

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2025, Том 17, № s6 / 2025, Vol. 17, Iss. s6 <https://esj.today/issue-s6-2025.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/50FAVN625.pdf>

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Цзя, И. Асимметричный эффект прямых иностранных инвестиций в экономике России: механизм санкционной трансмиссии и пространственная конфигурация притока капитала / И. Цзя // Вестник евразийской науки. — 2025. — Т. 17. — № s6. — URL: <https://esj.today/PDF/50FAVN625.pdf>.

For citation:

Jia Yi. The asymmetric effect of foreign direct investment in the Russian economy: the mechanism of sanctions transmission and the spatial configuration of capital inflows. *The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(s6): 50FAVN625. Available at: <https://esj.today/PDF/50FAVN625.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 339.727.22:336.02

Цзя Инькэ

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия

Аспирант кафедры «Финансового и инвестиционного менеджмента»

E-mail: heluckydog@163.com

Асимметричный эффект прямых иностраннных инвестиций в экономике России: механизм санкционной трансмиссии и пространственная конфигурация притока капитала

Аннотация. Современные реалии функционирования мировой экономики характеризуются нарастанием геополитической фрагментации, усилением санкционного давления на отдельные юрисдикции и перестройкой глобальных инвестиционных потоков, что формирует принципиально новые условия привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику Российской Федерации. Предметом исследования выступают закономерности трансформации структуры, динамики и пространственной конфигурации ПИИ в России под воздействием институциональных и геополитических шоков в период 1992–2024 гг. Рассматриваются корреляционные и регрессионные методы оценки связи ПИИ с макроэкономической динамикой, индексные показатели региональной концентрации (индекс Херфиндаля — Хиршмана, доля топ-5 регионов), а также событийная логика сопоставления «до — после» по узлам воздействия. Анализируется эволюция режимов функционирования ПИИ от фазы ранней либерализации 1990-х годов к институционализированному расширению 2000-х и переходу к санкционной адаптации начиная с 2014 года. Ключевым результатом является обоснование асимметричного и сценарно-зависимого характера эффекта иностранного капитала: в условиях институциональной предсказуемости ПИИ обеспечивают положительный масштабный и ростовой эффект, тогда как при усилении санкционного давления наблюдается структурное «упрощение» притока, рост ресурсной ориентации и усиление пространственной концентрации в ограниченном ядре территорий. Разработана модель каналов санкционной трансмиссии, фиксирующая четыре группы механизмов воздействия — финансово-платёжный, технологический, страховой и комплаенс-канал, юридико-институциональный, — совокупное действие которых приводит к перестройке масштаба, структуры, географии и качества иностранных инвестиций. Научная новизна состоит в количественно-качественной систематизации поэтапной эволюции ПИИ в России и разработке механистической модели санкционного воздействия на инвестиционные потоки. Практическая значимость определяется возможностью применения результатов при

формировании инвестиционной политики, ориентированной на снижение пространственной асимметрии и повышение качества привлекаемого капитала.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции; санкционная трансмиссия; асимметричный эффект; региональная концентрация; индекс Херфиндала — Хиршмана; инвестиционная политика; геополитические риски; ресурсная зависимость; пространственная агломерация; институциональная среда; структурная модернизация

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью системного осмысления трансформации российской модели привлечения ПИИ в условиях беспрецедентного по масштабу санкционного давления. Если в 2013 году приток ПИИ в Россию составлял 69,0 млрд долл. США, то к 2015 году снизился до 6,9 млрд долл., а в последующий период 2016–2021 гг. восстанавливался по траектории «низкой базы» с высокой волатильностью.¹ Такая динамика свидетельствует о фундаментальном характере произошедших изменений и требует перехода от описательных констатаций к количественно-аналитической оценке каналов и механизмов санкционного воздействия на инвестиционные потоки.

Глобальная инвестиционная архитектура претерпевает масштабную перестройку, обусловленную усилением геополитической турбулентности, расширением практики экономических санкций и формированием альтернативных финансовых центров.² Для Российской Федерации, совмещающей роль крупнейшего экспортёра энергоносителей и активного геополитического субъекта, указанные тенденции приобретают особую значимость, поскольку любое изменение международной обстановки немедленно отражается на инвестиционной привлекательности страны и уровне доверия к национальному рынку.³ Согласно данным ЮНКТАД, объём глобальных ПИИ в 2023 году сократился на 2 % до 1,37 трлн долл. США, а доля развивающихся экономик и стран с переходной экономикой в распределении потоков продолжила возрастать.¹

Объектом исследования выступают прямые иностранные инвестиции в экономике Российской Федерации в период 1992–2024 гг.

Предметом исследования являются закономерности трансформации структуры, динамики и пространственной конфигурации ПИИ под воздействием институциональных и геополитических шоков, а также механизмы санкционной трансмиссии, определяющие изменение масштаба, качества и географии притока иностранного капитала.

Цель исследования — разработка модели каналов санкционной трансмиссии, воздействующих на ПИИ, и комплексная поэтапная оценка эффективности иностранного капитала в экономике России с учётом пространственной и отраслевой дифференциации.

Задачи исследования:

1. Провести поэтапный анализ динамики и структуры ПИИ в экономике России, выделив режимы функционирования и узлы воздействия внешних шоков.
2. Оценить пространственную конфигурацию притока ПИИ и выявить закономерности территориальной концентрации в различные институциональные фазы.

¹ UNCTAD. World Investment Report 2023: Investment Trends and Policies. — [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2023> (дата обращения 15.02.2026).

² UNCTAD. World Investment Report 2024. — [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024> (дата обращения 15.02.2026).

³ OECD. OECD Investment Policy Review: Russian Federation 2019. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/investment/oecd-investment-policy-reviews-russian-federation-2019.htm> (дата обращения 15.02.2026).

3. Разработать модель каналов санкционной трансмиссии, описывающую механизм воздействия геополитических ограничений на масштаб, структуру и географию иностранных инвестиций.

Практическая значимость определяется возможностью использования разработанного инструментария при формировании региональной инвестиционной политики, направленной на снижение территориальной асимметрии притока и повышение доли высокотехнологичных инвестиций.

1. Методы и материалы

Теоретико-методологическую базу исследования составляют концепции институциональной экономики, теория прямых иностранных инвестиций в интерпретации Дж. Даннинга (эклектическая парадигма OLI) Д.Ф. Кристеллы [1], подходы к анализу инвестиционного климата в условиях санкционных ограничений, представленные в работе Ю. К. Зайцева [2], а также научные работы авторов таких как: Л.В. Московцевой [3], С.С. Красных [4], Н.Ю. Сенюк [5], Х.М. Мусаевой [6], Т.А. Сапуновой [7], А.Г. Кобзевой [8], А.А. Арошидзе [9].

Информационная база включает данные ЮНКТАД (World Investment Report за 2014–2024 гг.), статистику Банка России по прямым инвестициям, аналитические доклады ОЭСР, Всемирного банка и МВФ, а также данные Росстата по инвестициям в основной капитал.

2. Результаты и обсуждение

Теоретический фундамент исследования иностранных инвестиций в России формировался на пересечении нескольких научных традиций, среди которых центральное место занимает эклектическая парадигма OLI Дж. Даннинга, объясняющая мотивацию транснациональных корпораций через совокупность преимуществ владения (Ownership), размещения (Location) и интернализации (Internalization).⁴ Применительно к российской экономике данная модель позволяет объяснить устойчивую концентрацию ПИИ в ресурсно-энергетических секторах, где локационные преимущества (запасы углеводородов, минеральное сырьё) создавали наиболее выраженный инвестиционный стимул, тогда как институциональные барьеры — коррупция, правовая неопределённость и административные издержки — ограничивали диверсификацию притока [10].

Современные исследования 2025–2026 гг. фиксируют качественно новый этап трансформации глобальных инвестиционных потоков, характеризующийся нарастанием «геоэкономической фрагментации» и формированием параллельных инвестиционных контуров.² Согласно выводам О. Гуршева, детерминанты ПИИ в России существенно отличаются от стандартных моделей для стран с переходной экономикой, поскольку роль геополитических факторов в формировании инвестиционных ожиданий значительно превышает влияние традиционных макроэкономических переменных [11]. Исследования Всемирного банка по российской экономике за 2025 год подтверждают, что санкционные ограничения трансформировали не только объём, но и качественные характеристики притока капитала, усиливая «ресурсную блокировку» и пространственную централизацию.⁵

⁴ OECD. International Investment Law and Policy in Russia. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/investment/international-investment-law-russia.htm> (дата обращения 15.02.2026).

⁵ World Bank. Russian Economic Report. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/russia/publication/rer> (дата обращения 15.02.2026).

Историческая реконструкция динамики ПИИ в России позволяет выделить несколько режимов функционирования, каждый из которых характеризуется специфическим сочетанием институциональных условий, структуры источников капитала и параметров результативности. Период 1992–1998 гг. представлял собой фазу ранней либерализации с нестабильным и ограниченным по объёму притоком: от 400 млн долл. в 1992 году до 6,6 млрд в 1997 году с последующим обвалом до 2,7 млрд в 1998 году вследствие финансового кризиса.⁶ Правовая база — Закон РСФСР «Об иностранных инвестициях» (1991), Закон «О недрах» (1992), Закон «О соглашениях о разделе продукции» (1995) — обеспечивала формальные гарантии, однако институциональная нестабильность, масштабная приватизация и высокая макроэкономическая волатильность формировали преимущественно краткосрочный и спекулятивный характер вложений.

Принятие Федерального закона № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений» (1999) ознаменовало переход ко второму режиму — институционализированному притяжению (1999–2007 гг.), когда благоприятная нефтяная конъюнктура, политическая стабилизация и введение налоговых льгот обеспечили стремительный рост ПИИ до рекордных 74,1 млрд долл. в 2007 году. Ключевыми инструментами стали налоговые послабления, соглашения о разделе продукции (проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2»), а с 2005 года — создание особых экономических зон (ОЭЗ), привлёкших к 2010 году более 10 млрд долл. Инвестиций.⁷ Динамика основных инструментов и результатов привлечения иностранных инвестиций в 2000-е годы представлена в таблице 1.

Таблица 1

**Основные инструменты привлечения
ПИИ в Россию и их результативность (2000-е годы)**

Инструмент	Содержание политики	Основные отрасли	Достижения	Ограничения
Налоговые льготы	Снижение налога на прибыль, инвестиционные вычеты, ускоренная амортизация	Производство, высокие технологии	Краткосрочный рост вложений в обрабатывающей промышленности	Разнородность применения, слабая предсказуемость
Соглашения о разделе продукции	Совместное распределение добытых ресурсов между инвестором и государством	Нефтегазовый комплекс	Привлечение ТНК к проектам «Сахалин-1» и «Сахалин-2», развитие Дальнего Востока	Постепенное сворачивание СРП из-за усиления госучастия
Особые экономические зоны	Налоговые и таможенные преференции, упрощённые процедуры	Автопром, ИТ, фармацевтика, логистика	Привлечено более 10 млрд долл., вклад в региональное развитие	Недостаток инфраструктуры, бюрократические барьеры
Институты развития (ВЭБ.РФ, РФПИ)	Долгосрочное финансирование, соинвестирование с иностранными фондами	Энергетика, транспорт, цифровые технологии	К 2020 г. объём совместных инвестиций РФПИ превысил 30 млрд долл.	Высокая долговая нагрузка, санкционные ограничения

Составлено автором на основе анализа материалов⁸

⁶ Broadman H.G. Where Has All the Foreign Investment Gone in Russia? — [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports> (дата обращения 15.02.2026).

⁷ UNCTAD. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. — [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2019> (дата обращения 15.02.2026).

⁸ OECD. OECD Investment Policy Review: Russian Federation 2006. — Paris: OECD Publishing, 2006. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2006/07/oecd-investment-policy-reviews-russian-federation-2006_g1gh6c2c/9789264025936-en.pdf (дата обращения 15.02.2026).

UNCTAD. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. — New York; Geneva: United Nations, 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf (дата обращения 15.02.2026).

Данные таблицы 1 свидетельствуют о постепенном усложнении инструментария инвестиционной политики — от прямых налоговых стимулов и договорных механизмов к созданию специализированных институтов развития, однако сохранение административных барьеров, региональных различий и правовой нестабильности ограничивало долгосрочную результативность внедрённых мер.

Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. продемонстрировал высокую чувствительность российской модели ПИИ к внешним шокам: приток сократился с 75,8 млрд долл. в 2008 году до 36,1 млрд в 2009 году (снижение на 52,37 %), а восстановление до 43,1 млрд в 2010 году не обеспечило возврата к пиковым значениям.¹ Период 2010–2013 гг. ознаменовался умеренным восстановлением и расширением отраслевой диверсификации: приток достиг 69,0 млрд долл. в 2013 году за счёт автомобилестроения, металлургии и телекоммуникаций.⁹

Санкционный шок 2014–2015 гг. стал структурным переломом инвестиционной траектории, масштабы которого не имеют аналогов в новейшей экономической истории России. Падение ПИИ с 69,0 млрд долл. (2013) до 22,8 млрд (2014) и далее до 6,9 млрд (2015) — суммарное снижение более чем на 90 % — зафиксировало не просто количественное сокращение, а разрыв механизма притока капитала.¹⁰

Динамика восстановления 2016–2021 гг. подтверждает гипотезу об асимметричном эффекте: волнообразная траектория (32,0 → 25,8 → 13,2 → 32,1 → 9,5 → 38,9 млрд долл.) демонстрирует стадийную неустойчивость и зависимость от сочетания внешних факторов — новых санкционных раундов, пандемии COVID-19 и перестройки партнёрской структуры.¹¹

Сравнительный анализ шоковых узлов представлен в таблице 2, фиксирующей количественные параметры падения и восстановления по ключевым периодам.

Таблица 2

Количественные параметры шоковых изменений ПИИ в России по узлам воздействия

Узел воздействия	Период	До → после (млрд долл.)	Снижение	Характер восстановления
Глобальный финансовый кризис	2008–2009	75,8 → 36,1	-52,37 %	Частичное, без возврата к пику
Санкционный шок	2013–2015	69,0 → 22,8 → 6,9	-90,00 %	Структурный разрыв, длительная «низкая база»
Пандемия COVID-19	2019–2020	32,1 → 9,5	-70,40 %	Быстрый отскок при высокой волатильности

Составлено автором на основе анализа материалов¹²

Данные таблицы 2 позволяют заключить, что санкционный шок 2014–2015 гг. по глубине и продолжительности последствий принципиально отличается от финансового кризиса и пандемийного спада: в отличие от циклических колебаний, санкционное воздействие сопровождалось не только количественным падением, но и качественной перестройкой механизма притока капитала.

Пространственный анализ выявил устойчивую тенденцию агломерации ПИИ в ограниченном ядре территорий. Москва и Санкт-Петербург стабильно аккумулируют свыше

⁹ ИЭП имени Е.Т. Гайдара. Российская экономика: тенденции и перспективы. — М.: ГУ-ВШЭ, 2019. — 400 с.

¹⁰ UNCTAD. World Investment Report 2020: International Production Beyond the Pandemic. — [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2020> (дата обращения 15.02.2026).

¹¹ Банк России. Отчёт о денежно-кредитной политике (II кв. 2023). — М.: Банк России, 2023. — 70 с.

¹² UNCTAD. World Investment Report 2023. — New York; Geneva: United Nations, 2023. — 239 p.

UNCTAD. World Investment Report 2020. — New York; Geneva: United Nations, 2020. — 240 p.

Банк России. Отчёт о денежно-кредитной политике (II кв. 2023). — М.: Банк России, 2023. — 70 с.

70 % иностранных вложений, что обусловлено развитой инфраструктурой, высоким потребительским спросом и институциональными преимуществами.¹³ Расчёт индекса Херфиндаля — Хиршмана (НН) и показателя доли топ-5 регионов по якорным годам (2007, 2013, 2019, 2021) подтверждает рост концентрации в периоды внешней неопределённости: если в 2007 году НН составлял 0,145 при доле топ-5 в 66 %, то к 2019 году показатели возросли до 0,176 и 74 % соответственно.¹⁴ Данная конфигурация свидетельствует о «сходимости к ядру» — механизме, при котором рост рисков побуждает капитал концентрироваться в территориях с более развитой финансово-институциональной базой и возможностями хеджирования, что закрепляет модель «центр — периферия» и ограничивает потенциал ПИИ как инструмента территориально сбалансированного развития.

Центральным результатом исследования является разработка модели каналов санкционной трансмиссии, объясняющей механизм воздействия геополитических шоков на ПИИ. Модель основывается на представлении санкций как внешнего набора институциональных ограничений, меняющих структуру затрат и риск-ожиданий инвесторов по четырём взаимосвязанным каналам. Концептуальная структура модели отображена на рисунке 1.

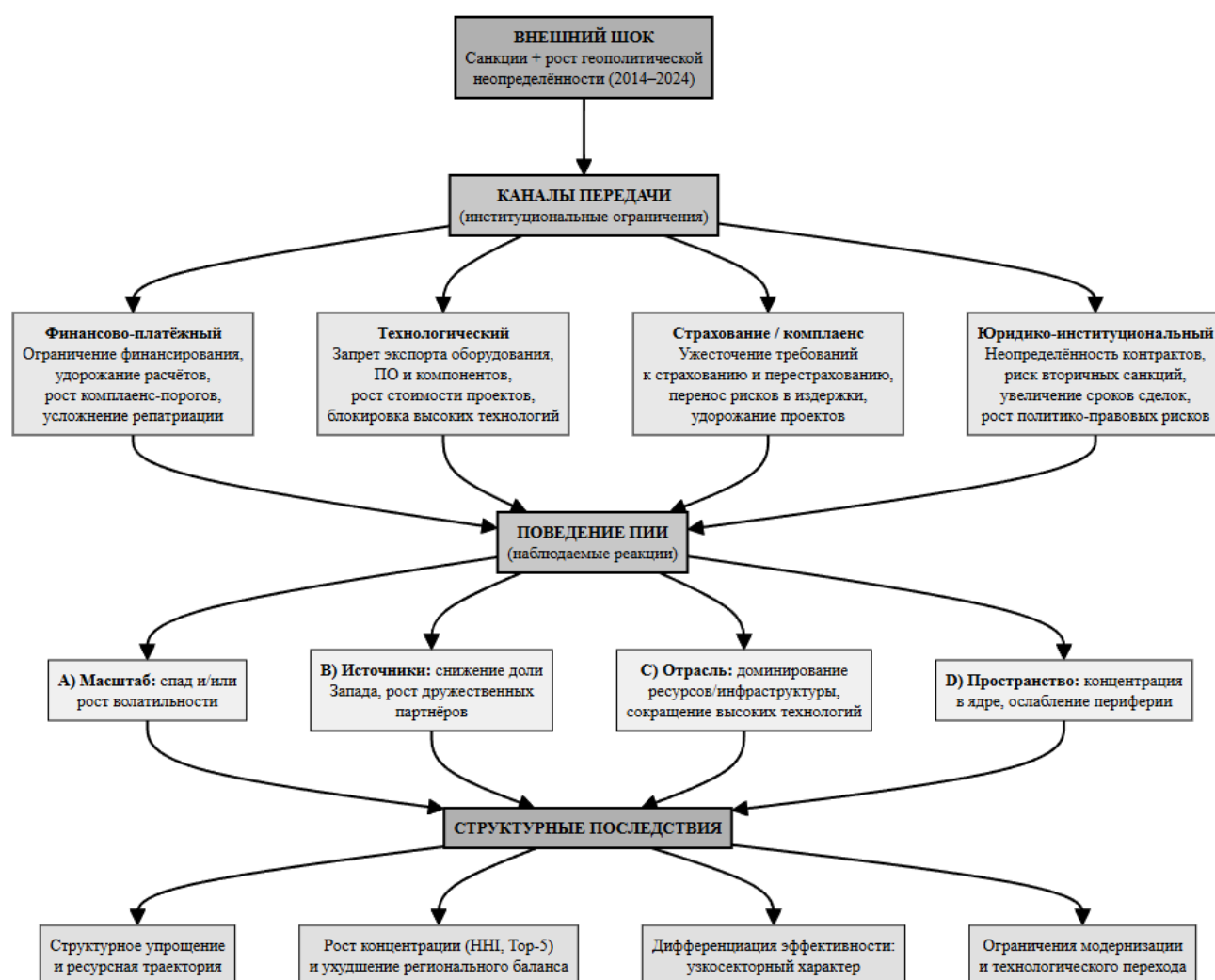

Рисунок 1. Модель каналов санкционной трансмиссии, воздействующих на ПИИ в России (разработано автором)

¹³ Региональная экономика: комментарии ГУ Банка России. — М.: Банк России, 2024. — 43 с.

¹⁴ РАНХиГС. Иностранные инвестиции в России: аналитический обзор. — М.: РАНХиГС, 2023. — 8 с.

Представленная на рисунке 1 модель демонстрирует, что совместное действие четырёх каналов формирует типовую цепочку: рост риск-премии → снижение доступности инвестирования → перераспределение портфеля проектов. Финансово-платёжный канал реализуется через ограничение трансграничного кредитования и блокировку доступа крупнейших российских банков к международным рынкам долговых инструментов, что остановило ряд крупных инвестиционных проектов и сузило пространство для участия иностранного капитала. Технологический канал проявляется через запрет экспорта высокотехнологичного оборудования для глубоководного бурения, СПГ-производства и арктических проектов.¹⁵ Страховой и комплаенс-канал реализуется через прекращение сотрудничества крупнейших европейских и американских страховых компаний по покрытию энергетических и инфраструктурных проектов. Юридикто-институциональный канал проявляется через рост неопределённости исполнения контрактов и угрозу вторичных санкций.

Рисунок 2. Поэтапная эволюция режимов функционирования ПИИ в России (1992–2024 гг.) (разработано автором на основе анализа материалов¹⁶)

Адаптационные стратегии, реализуемые Россией с 2014 года, включают «восточный поворот» в географии партнёрств и формирование внутренних компенсаторных механизмов. Китай стал ключевым стратегическим партнёром, участвуя в реализации газопровода «Сила Сибири», строительстве портов и транспортных коридоров.¹⁷ Индийские нефтегазовые корпорации (ONGC Videsh, Indian Oil Corporation) приобрели доли в российских проектах на Дальнем Востоке. Ближневосточный капитал — суверенные фонды Катара, ОАЭ и Саудовской Аравии — через РФПИ инвестирует в инфраструктуру, сельское хозяйство и IT-проекты.¹⁸ Однако азиатские и ближневосточные инвестиции не компенсируют утрату западного капитала в наукоёмких и финансовых секторах, что сохраняет ограниченный потенциал технологического обновления.¹⁹

¹⁵ UNCTAD. World Investment Report 2017: Investment and the Digital Economy. — [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2017> (дата обращения 15.02.2026).

¹⁶ UNCTAD. World Investment Report 2023. — New York; Geneva: United Nations, 2023. — 239 p.

OECD. OECD Investment Policy Review: Russian Federation 2019. — Paris: OECD Publishing, 2019. — 180 p.

¹⁷ Trade and Transport Logistics Relations between Russia. — 2025. — URL.: <https://1520international.com/en/content/2025/sentyabr-2025/torgovy-e-i-transportno-logisticheskie-svyazi-rossii-i-kitaya-chast-vtoraya/>.

¹⁸ Tajikistan Foreign Direct Investment: Russia — URL: <https://www.ceicdata.com/en/tajikistan/foreign-direct-investment/foreign-direct-investment-russia>.

¹⁹ OECD. FDI Qualities Indicators 2023. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/investment/fdi-qualities-indicators.htm> (дата обращения 15.02.2026).

Структурная логика поэтапной эволюции ПИИ в России обобщена на рисунке 2, демонстрирующем последовательность режимов функционирования и ключевые трансформации.

Рисунок 2 иллюстрирует последовательность шести режимов функционирования и фиксирует закономерную смену конфигураций: от либерализации через институционализированное расширение к санкционной адаптации. Ключевая закономерность состоит в асимметричности инвестиционного эффекта: в условиях институциональной предсказуемости ПИИ чаще демонстрируют положительный масштабный и ростовой вклад через накопление капитала и перенос управленческих практик, тогда как при усилении санкционного давления приток сокращается по объёму и одновременно приобретает черты ресурсной фиксации и пространственной централизации.

Отраслевой анализ фиксирует смещение «портрета качества» ПИИ от относительной диверсификации к консервативной конфигурации с доминированием ресурсных и инфраструктурных направлений. До 2014 года вложения распределялись между энергетикой, банковской сферой, телекоммуникациями и автомобилестроением; после санкционного перелома доля высокотехнологичных и инновационных вложений сократилась до минимальных величин, а основной объём сконцентрировался в добывающих отраслях.²⁰ Данное «упрощение» структуры усиливает чувствительность экономики к ценовой волатильности на сырьевых рынках и ограничивает вклад ПИИ в технологическую модернизацию.

Выводы

Анализ динамики, структуры и пространственной конфигурации ПИИ в экономике России за период 1992–2024 гг. позволил выделить шесть режимов функционирования — от ранней либерализации до санкционной реконфигурации — и зафиксировать закономерную смену инвестиционных конфигураций, обусловленную различием институциональных сценариев и параметров риск-среды. Событийная логика сопоставления по ключевым узлам воздействия (кризис 1998 г., глобальный кризис 2008–2009 гг., санкционный шок 2014–2015 гг., пандемия 2020 г.) показала, что санкционный разрыв по глубине (-90 %) и продолжительности последствий принципиально отличается от циклических кризисных спадов и представляет собой качественную перестройку механизма притока капитала.

Оценка пространственной конфигурации притока ПИИ выявила устойчивую тенденцию агломерации в ограниченном ядре территорий, нарастающую при усилении внешних рисков. Расчёт индекса Херфиндала — Хиршмана и показателя доли топ-5 регионов подтвердил рост концентрации: с $H = 0,145$ и доли топ-5 = 66 % в 2007 году до $H = 0,176$ и доли топ-5 = 74 % в 2019 году. Механизм «сходимости к ядру» закрепляет модель «центр — периферия», ограничивая возможности использования ПИИ как инструмента территориально сбалансированного развития и усиливая межрегиональный разрыв по доступу к капиталу и технологиям.

Разработанная модель каналов санкционной трансмиссии представляет собой самостоятельный методологический результат, интегрирующий четыре группы механизмов: финансово-платёжный, технологический, страховой и комплаенс-канал, юридико-институциональный. Совместное действие каналов формирует цепочку «рост риск-премии → снижение доступности инвестирования → перераспределение портфеля проектов», приводящую к одновременному сокращению масштаба, реструктуризации источников, отраслевому «упрощению» и пространственной концентрации ПИИ. Модель обеспечивает переход от описательных констатаций к механистической интерпретации наблюдаемых структурных последствий санкционного воздействия и может

²⁰ UNCTAD. World Investment Report 2022: International Tax Reforms and Sustainable Investment. — [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2022> (дата обращения 15.02.2026).

быть использована при формировании инвестиционной политики, направленной на снижение территориальной и отраслевой асимметрии притока иностранного капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chrystella, D.F. Maximizing The Impact Of Foreign Direct Investment: Trends, Determinants, And Strategies For Sustainable Economic And Social Development / D.F. Chrystella, S. Ibrahim, Ya. Lihua — DOI 10.9790/5933-1601043150. // IOSR Journal of Economics and Finance. — 2025. — Т. 16, № 1. — С. 31–50 — EDN OMQYVJ.
2. Зайцев, Ю.К. Воздействие санкционного режима на прямые иностранные инвестиции в Российской Федерации / Ю.К. Зайцев — DOI 10.22363/2313-2329-2018-26-4-760-772. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. — 2018. — Т. 26, № 4. — С. 760–772 — EDN ZAQDGP.
3. Московцева, Л.В. Роль иностранных инвестиций в устойчивом развитии экономики России / Л.В. Московцева, А.Е. Кисова, О.Н. Митрофанова — DOI 10.18334/epp.12.10.116315. // Экономика, предпринимательство и право. — 2022. — Т. 12, № 10. — С. 2795–2806 — EDN OFGHMG.
4. Красных, С.С. Адаптационный потенциал экономического роста Российской Федерации в условиях сокращения прямых иностранных инвестиций / С.С. Красных — DOI 10.26425/2658-3445-2024-7-1-36-47. // E-Management. — 2024. — Т. 7, № 1. — С. 36–47 — EDN BESBGP.
5. Сенюк, Н.Ю. Прямые иностранные инвестиции Китая в страны БРИКС сквозь призму глобальной политэкономии / Н.Ю. Сенюк — DOI 10.31249/ape/2024.01.13. // Актуальные проблемы Европы. — 2024. — № 1(121). — С. 263–288 — EDN QTDZVX.
6. Мусаева, Х.М. Сущность инвестиций, их роль в развитии экономики. Анализ перспектив привлечения иностранных инвестиций в экономику России / Х.М. Мусаева, Е.А. Андреева, Я.И. Леухина // Деловой вестник предпринимателя. — 2023. — № 2(12). — С. 69–72. — EDN RUWNWU.
7. Сапунова, Т.А. Исследование и определение динамики развития объема прямых иностранных инвестиций в экономику России в условиях санкций / Т.А. Сапунова // Вестник Академии знаний. — 2023. — № 1(54). — С. 342–345. — EDN ZBVTWR.
8. Кобзева, А.Г. Исследование и анализ объемов прямых иностранных инвестиций в экономику России / А.Г. Кобзева, Д.А. Смоляков // Современные проблемы горно-металлургического комплекса. Наука и производство: Материалы девятнадцатой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Старый Оскол, 07 декабря 2022 года. — Старый Оскол: Старооскольский технологический институт (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Национальный исследовательский технологический университет "МИСиС", 2023. — С. 208–212. — EDN PRLVZY.
9. Арошидзе, А.А. Анализ потоков прямых иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации и оценка их неравномерности / А.А. Арошидзе — DOI 10.24412/2312-6647-2025-143-19-33. // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. — 2025. — № 1(43). — С. 19–33 — EDN NJZKKO.

10. Kuzmina, O. Foreign direct investment and governance quality in Russia / O. Kuzmina, N. Volchkova, T. Zueva — DOI 10.1016/j.jce.2014.08.001. // Journal of Comparative Economics. — 2014. — Т. 42, № 4. — С. 874–891 — EDN UFYRUD.
11. Gurshev O. What determines foreign direct investment in Russia? // Central European Economic Journal. — 2019. — Т. 6. — № 53. — С. 312–322.

Jia Yinke

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: heluckydog@163.com

The asymmetric effect of foreign direct investment in the Russian economy: the mechanism of sanctions transmission and the spatial configuration of capital inflows

Abstract. The current global economic landscape is characterized by increasing geopolitical fragmentation, intensifying sanctions pressure on individual jurisdictions, and the restructuring of global investment flows, creating fundamentally new conditions for attracting foreign direct investment (FDI) to the Russian economy. This study examines the patterns of transformation in the structure, dynamics, and spatial configuration of FDI in Russia under the influence of institutional and geopolitical shocks from 1992 to 2024. Correlation and regression methods for assessing the relationship between FDI and macroeconomic dynamics, index indicators of regional concentration (the Herfindahl-Hirschman index, the share of the top five regions), and the event-driven logic of «before-after» comparisons across impact nodes are considered. This article analyzes the evolution of FDI operating regimes from the early liberalization phase of the 1990s to the institutionalized expansion of the 2000s and the transition to sanctions adaptation since 2014. The key result is the substantiation of the asymmetric and scenario-dependent nature of the effect of foreign capital: under conditions of institutional predictability, FDI provides a positive scale and growth effect, whereas with increasing sanctions pressure, a structural «simplification» of the inflow, an increase in resource orientation, and an increase in spatial concentration in a limited core of territories are observed. A model of sanctions transmission channels has been developed, identifying four groups of influencing mechanisms — financial and payment, technological, insurance and compliance channels, and legal and institutional ones — the combined effect of which leads to a restructuring of the scale, structure, geography, and quality of foreign investment. The scientific novelty lies in the quantitative and qualitative systematization of the stage-by-stage evolution of FDI in Russia and the development of a mechanistic model of the impact of sanctions on investment flows. The practical significance lies in the potential application of the results in developing investment policies aimed at reducing spatial asymmetry and improving the quality of capital attracted.

Keywords: foreign direct investment; sanctions transmission; asymmetric effect; regional concentration; Herfindahl — Hirschman index; investment policy; geopolitical risks; resource dependence; spatial agglomeration; institutional environment; structural modernization